

Р.Е. Романов*

ТРУДОВЫЕ СТИМУЛЫ И САНКЦИИ
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СССР
В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК:
СОВЕТСКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ «КЕЙС»
(1930-Е – СЕРЕДИНА 1980-Х ГОДОВ)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-23
УДК 94(47).084.6

Выходные данные для цитирования:

Романов Р.Е. Трудовые стимулы и санкции на предприятиях СССР в годы довоенных пятилеток: советский историографический «кейс» (1930-е – середина 1980-х годов) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 317–334. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-23.pdf>

R.E. Romanov*

LABOR INCENTIVES AND SANCTIONS
AT SOVIET ENTERPRISES
DURING THE PRE-WAR FIVE-YEAR PLANS:
A SOVIET HISTORIOGRAPHICAL CASE STUDY
(1930S – MID-1980S)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-23

How to cite:

Romanov R.E. Labor Incentives and Sanctions at Soviet Enterprises during the Pre-War Five-Year Plans: A Soviet Historiographical Case Study (1930s – Mid-1980s) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 317–334. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-23.pdf>]

Abstract. The article is devoted to proving the scientific hypothesis that in the 1930s – the mid-1980s, historiographical ideas about the ways of creating labor motivation at the enterprises of the USSR during the pre-war five-year plans functioned as both constant and changing elements of the Soviet humanitarian knowledge. This task is solved on the basis of the synchronic and diachronic approaches of structural linguistics in order to identify the static and dynamic levels of the official language of pre-perestroika historiography within a specific research area. Based on the stated methodology, the article analyzes the formation and development of economists', lawyers' and historians' views on the essence and factors of the effectiveness/ineffectiveness of labor incentives and sanctions in the domestic industry from 1928 to 1941. It has been revealed that in the 1930s and the mid-1950s, the elite of economic science, influenced by Stalinist ideology and propaganda, formed initial ideas about the dualistic nature of the methods of disciplining (persuasion and coercion) and stimulating (moral and material incentives) the working class during the era of socialist industrialization. From the prevailing perspective, the reasons for the decline in the functionality of the mechanisms for motivating industrial labor were rooted in the actions of opponents of socialism, while the reasons for its increase were attributed to the victory of the leader and the party over class enemies and opportunists. It has been established that in the mid-1950s and mid-1980s, leading experts in Russian history, economics and rights continued to reproduce the previously established stereotypes about the dualistic nature of labor discipline and the promotion of productive employment during the first five-year plans. At the same time, under the influence of criticism of the personality cult of I.V. Stalin, a cautious and objective study of the socio-economic and sociocultural factors of the effectiveness/ineffectiveness of measures to incentives industrial workers in the late 1920s and early 1940s began. It was concluded that the views of Soviet researchers on the nature of labor incentives and sanctions

* Роман Евгенийевич Романов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: rromanov1981@mail.ru

Roman Evgenievich Romanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: romanov1981@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socioeconomic Potential of Russia’s Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

during the pre-war five-year plans were static for more than half a century, while their views on the causes of the successes or failures of state motivational policies were dynamic, limited by conservative and protective ideologies. Taking into account the above facts and arguments, the stated scientific hypothesis can be considered objectively proven.

Keywords: Pre-war five-year plans, socialist industrialization, enterprises in the USSR, labor incentives and sanctions, the working class, Soviet historiography, historiographical views, historians, economists, lawyers.

The article has been received by the editor on 20.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена доказательству научной гипотезы о том, что в 1930-е – середине 1980-х гг. историографические представления о способах создания трудовой мотивации на предприятиях СССР периода довоенных пятилеток функционировали в качестве как постоянных, так и изменяющихся элементов советского гуманитарного знания. Решение этой задачи осуществляется на основе синхронического и диахронического подходов структурной лингвистики с целью выявления в рамках конкретного исследовательского направления статического и динамического уровней официального языка доперестроечной историографии. В русле заявленной методологии проанализированы процессы становления и развития взглядов экономистов, юристов и историков на сущность и факторы эффективности/неэффективности трудовых стимулов и санкций в отечественной индустрии 1928–1941 гг. Выявлено, что в 1930-е – середине 1950-х гг. элита экономической науки под влиянием сталинской идеологии и пропаганды сформировала первоначальные представления о дуалистической природе методов дисциплинирования (убеждение и принуждение) и стимулирования (моральные и материальные поощрения) рабочего класса эпохи социалистической индустриализации. Причины снижения функциональности механизмов мотивирования индустриального труда с господствующей тогда точки зрения коренились в действиях противников социализма, повышения – в победе вождя и партии над классовыми врагами и оппортунистами. Установлено, что в середине 1950-х – середине 1980-х гг. ведущие специалисты в области отечественной истории, экономики и права продолжили воспроизводство ранее сложившихся стереотипов о дуалистической сущности форм воспитания трудовой дисциплины и побуждения производительной занятости в годы первых пятилеток. Одновременно под воздействием критики культа личности И.В. Сталина началось осторожное объективное изучение социально-экономических и социокультурных факторов эффективности/неэффективности мер стимулирования индустриальных работников в конце 1920-х – начале 1940-х гг. Сделан вывод о том, что взгляды советских исследователей на природу трудовых стимулов и санкций периода довоенных пятилеток на протяжении более чем полувека отличались статикой, на причины успехов или неудач государственной мотивационной политики – динамикой, ограниченной консервативно-охранительными идеологиями. С учетом вышеизложенных фактов и аргументов заявленную научную гипотезу можно считать объективно доказанной.

Ключевые слова: довоенные пятилетки, социалистическая индустриализация, предприятия СССР, трудовые стимулы и санкции, рабочий класс, советская историография, историографические представления, историки, экономисты, юристы.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026 г.

Вводные положения. Вопрос о том, почему граждане СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. массово участвовали в строительстве нового социалистического общества, на протяжении уже почти века остается в нашей стране одним из актуальных «кейсов» социальной и исторической памяти. До конца 1980-х гг. ответ на этот вопрос лежал исключительно в русле идеологии марксизма-ленинизма, культивировавшей оптимистическое воображение о воспитанной большевиками идейной сознательности советского народа. В годы перестройки на фоне размыwania идеологических фетишей в обществе сформировался устойчивый сегмент оппонентов большевистского эксперимента, воспринимаемого ими как феномен левого тоталитаризма. Либеральный «дрейф» 1990-х гг. способствовал широкому распространению пессимистических представлений о радикальном преобразовании страны за счет сталинской насильственной мобилизации. В 2000-е – начале 2020-х гг. в связи с набирающим обороты консервативным «поворотом» маятник вновь качнулся в сторону укрепления позиций сторонников советского социализма, репрезентирующих его в тонах государственного патриотизма. Военно-патриотическая атмосфера 2022–2026 гг. создает еще более благоприятную почву для возрождения оптимистического мнения о том, что большинство граждан СССР строили новый мир не столько по приказу партийных вождей, сколько по зову сердца, подпитываемого конструктивной воспитательной пропагандой. В этом контексте труд эпохи социалистической индустриализации может рассматриваться прежде всего как следствие морального побуждения работников со стороны властей и работодателей. Злободневная попытка возвращения к историческому оптимизму актуализирует новые исследования в области советской историографии, объяснявшей способы создания мотивации труда¹ в заводских коллективах в рамках преимущественно позитивного нарратива о прошлом. Цель исследования состоит в выявлении процессов становления и развития историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях на предприятиях СССР периода довоенных пятилеток в 1930-е – середине 1980-х гг. В частности, предметом анализа выступают взгляды экономистов, юристов и историков на сущность и факторы эффективности/неэффективности мероприятий по дисциплинированию и стимулированию персонала отечественной индустрии в 1928–1941 гг.

Методологическая база исследования включает синхронический и диахронический подходы² к изучению советского историографического «кейса», касавшегося ключевых аспектов мотивации индустриального труда в СССР в рассматриваемый период. Синхронический подход позволяет выявить постоянные переменные исследуемого феномена, диахронический подход – его динамику. В данном контексте исследовательская гипотеза заключается в том, что в 1930-е – середине 1980-х гг. историографические представления о сущности трудовых стимулов и санкций периода довоенных пятилеток функционировали на синхроническом (как постоянные переменные), об их эффективности/неэффективности – диахроническом (как изменявшиеся переменные) уровне.

В доперестроечной истории советской историографии периода довоенных пятилеток следует выделить два этапа: становление (1930-е – середина 1950-х гг.), воспроизводство и развитие (середина 1950-х – середина 1980-х гг.). Их выделение позволяет на примере конкретного исследовательского направления показать статику и динамику историографических представлений о мерах дисциплинирования и стимулирования работников индустрии СССР в 1928–1941 гг. Источниковой базой исследования служат книги и статьи профессиональных экономистов, юристов и историков СССР, а также участников проекта «История заводов и фабрик» о хозяйственных, социальных, трудовых и бытовых вопросах социалисти-

¹ В данном случае рассматриваются два компонента мотивации труда – дисциплина (способы контроля над работниками на производстве) и стимулирование трудовой инициативы (способы поощрения работников за производительный труд).

² По мнению основателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра, синхрония представляет статический аспект языка, исключая всякое вмешательство времени, диахрония – собственно эволюцию языка во времени. См.: Казаева М.А. Проблема синхронного и диахронического подходов в языкознании // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 199. С учетом того, что советская историография представляла совокупность элементов научного и идеологического языка, данные подходы применимы к описанию соответственно ее статического и динамического состояний.

ческой индустриализации. Они содержат массив информации, необходимый для полноценной реконструкции, осмысления и понимания изучаемых аспектов советской историографии, характеризовавшейся высокой зависимостью от влияния официальной идеологии и пропаганды.

Становление советской историографии периода довоенных пятилеток (1930-е – середина 1950-х гг.)

Предпосылки формирования историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях периода довоенных пятилеток (1929–1938 гг.). Зарождение историографии истории индустриального труда первых трех пятилеток происходило в условиях разрыва советских экономистов, юристов и историков с дореволюционной научной традицией и становлением в СССР 1930-х гг. феномена идеологизированной науки. Сложившаяся историографическая ситуация обуславливалась господством политико-идеологических факторов, унификацией научно-гуманитарной и научно-исторической сфер, укоренением в них марксистской методологии, складыванием единой формы политизированного знания о развитии общества, рабочего движения, пролетарской революции и строительстве коммунизма³. Издание «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.) завершило процесс оформления вертикально-иерархической системы «идеология – наука». В рамках этой иерархии ученые-гуманитарии оказались подчинены оптимистическому историцизму партийно-государственной элиты.

Данный контекст сталинской эпохи оказал ключевое влияние на формирование первоначальных историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях на советских предприятиях конца 1920-х – начала 1940-х гг. Начальной точкой отсчета в указанном процессе являлась брошюра Е. Микулиной «Соревнование масс» (1929 г.), предисловие к которой написал И.В. Сталин. В нем отмечалось, что соревнование выступало самым важным фактом социалистического строительства, проявлением максимальной активности трудящихся для достижения всеобщего подъема на основе товарищеской взаимопомощи. Главной угрозой для соревновательных кампаний становились бюрократические препоны на пути творческой инициативы масс. Для их преодоления следовало широко популяризировать практический опыт соревнующихся рабочих⁴. На XVI съезде ВКП(б) (июнь 1930 г.) И.В. Сталин дополнил эту картину ударничеством, превратившим труд из зазорного и тяжелого бремени в дело чести, славы, доблести и геройства. По утверждению генсека лейтмотив ударников состоял в возможности быть героем труда, окруженным ореолом почета⁵. На Первом всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935 г.) глава партии «развил концепцию» о внутренних стимулах передовиков производства, в которых органично сливались личные и общественные интересы. По существу они представляли собой совокупность возросших материальных благ и публичного признания в условиях стахановского движения. Его привлекательность объяснялась ростом жизненного уровня рабочих семей и превращением ранее безымянных пролетариев в известных деятелей, овеянных славой⁶. В свою очередь дальнейший взлет движения стахановцев вел к новому повышению благосостояния трудящихся. На фоне нарастания репрессий (1937–1938 гг.) врагами зажиточной и культурной жизни народа провозглашались «троцкистско-бухаринские изверги», безуспешно пытавшиеся уничтожить завоевания социализма⁷. Поэтому «вредительство» рассматривалось в качестве основного фактора снижения эффективности материального и морального стимулирования рабочего класса.

³ Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.). Орск, 2010. С. 33, 38, 39.

⁴ Соревнование и трудовой подъем масс: Предисловие к книжке Е. Микулиной «Соревнование масс» // Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 12: Апрель 1929 – Июнь 1930 г. С. 108–111.

⁵ Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12... С. 313–314.

⁶ Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14: 1934–1940 гг. М., 1946. С. 188–190.

⁷ Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938. С. 174, 204, 209.

Внедрение сталинских идеологических установок в формирующуюся советскую историографию стартовало с реализации инициативы А.М. Горького о подготовке большой серии очерков об истории заводов и фабрик СССР. В инструкции «Как писать “Историю фабрик и заводов”» (28 ноября 1931 г.) говорилось о том, что повествование о прошлом предприятий после 1917 г. должно строиться на «новых, социалистических началах». Эти начала подразумевали, в том числе, обязательное описание роста коммунистических форм труда, ударничества, соцсоревнования, героев труда⁸. Логичным продолжением данной тенденции являлся доклад Анны Максимовны Панкратовой «Задачи и методы исторического исследования в деле создания истории заводов СССР» на международном конгрессе историков в Варшаве (26 августа 1933 г.). Ученица академика Михаила Николаевича Покровского акцентировала внимание зарубежной аудитории не только на научную, но и политическую актуальность исторических исследований в Советском Союзе. Изучение прошлого предприятий служило инструментом просвещения и мобилизации масс для «лучшего понимания настоящего». В этих рамках завершившаяся в 1932 г. первая пятилетка воспринималась новейшей страницей послеоктябрьской истории. По мнению докладчика, в ходе нее «в противоположность капиталистической организации труда рабочий класс в СССР создал *новые формы и стимулы труда, новые способы привлечения к труду, новые формы труддисциплины* [курсив мой. – Р. Р.]»⁹. По сути А.М. Панкратова представила своего рода манифест советской исторической науки, содержащий в качестве отдельных элементов идеологические постулаты о социалистических методах создания трудовой мотивации. Данный факт красноречиво свидетельствовал о трансформации пропагандистского официоза в соответствующие линии партии гуманитарные академические знания, обретавшие в устах и текстах ученых-марксистов статус официальной историографии эпохи строительства социализма. Эпохи, которую А.М. Горький метафорически назвал «новой поэтической действительностью», рожденной на основе свободной, счастливой и научной практики миллионов людей¹⁰, освобожденных от капиталистической эксплуатации.

Историографические представления о трудовых стимулах и санкциях периода довоенных пятилеток: этап становления. В 1930-е – середине 1950-х гг. вопросы о способах дисциплинирования и стимулирования персонала советских предприятий в период довоенных пятилеток рассматривались в книгах, брошюрах и статьях о развитии экономики СССР¹¹, социалистическом труде¹², трудовых правоотношениях и спорах¹³, промышленности¹⁴, истории заводов и фабрик¹⁵, производственной дисциплины¹⁶, соцсоревновании¹⁷,

⁸ Инструкция главной редакции «Как писать “Историю фабрик и заводов”» (28 ноября 1931 г.) // М.А. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. док-тов и мат-лов в помощь работающим над историей фабрик и заводов. М., 1959. С. 41.

⁹ Доклад А.М. Панкратовой на международном конгрессе историков в Варшаве «Задачи и методы исторического исследования в деле создания истории заводов СССР» // М.А. Горький и создание истории фабрик и заводов... С. 164.

¹⁰ Горький М. О книге // Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. 3-е изд. Свердловск, 1960. С. 30.

¹¹ Развитие советской экономики. М., 1940.

¹² Маркус Б.Л. Труд в социалистическом обществе. М., 1939.

¹³ Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948; Швейцер Д.В. Разрешение трудовых споров в СССР: Стенограмма публичной лекции, прочит. в Центр. лектории о-ва в Москве. М., 1949.

¹⁴ Локшин Э.Ю. Промышленность СССР. М., 1947.

¹⁵ Люди Сталинградского тракторного. М., 1933; Завод и его люди. Из истории Станкостроительного завода (к 75-летию его основания. 1872–1947 гг.). М., 1947; Харьковский тракторный завод им. Орджоникидзе. 1931–1951 гг. Харьков, 1951.

¹⁶ Леонтьев Л.А. Социалистическая дисциплина труда. М., 1939; Паршестник А.Е. Дисциплина труда в СССР. М., 1950; Горнов О.Ф. Воспитание социалистической дисциплины труда: Из опыта парт. работы на Моск.-Курской дороге. М., 1952; Бакакин А.С. О трудовой дисциплине в социалистическом обществе. М., 1955; Киселев Я.Л. О социалистической дисциплине труда. М., 1955.

¹⁷ Евстафьев Г.Н. Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952; Финаров А.П. Социалистическое соревнование на предприятиях в начале первой пятилетки // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 35–51.

ударничестве¹⁸, стахановском движении¹⁹, материальном и культурном уровне трудящихся²⁰. В довоенный период авторами этих публикаций являлись преимущественно ведущие специалисты в области политэкономии социализма, работавшие в Институте экономики АН СССР, Московском государственном университете, или участники проекта «История заводов и фабрик» (историки, журналисты, рабочие, инженеры). В послевоенные годы к ним присоединились также профессиональные юристы и историки, приступившие к изучению соответственно аспектов истории дисциплины труда, социалистического соревнования и уровня жизни рабочего класса в 1930-е гг. Тем не менее ключевую роль в формировании первоначальных историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях в отечественной индустрии 1928–1941 гг. сыграла элита советской экономической науки, рожденная сталинской эпохой. Ее представляли Амазасп Авакимович Арутюнян, Осип Аркадьевич Ерманский, Георгий Николаевич Евстафьев, Иван Иванович Кузьмин, Лев Абрамович Леонтьев, Эфраим Юдович Локшин, Борис Львович Маркус и другие столичные экономисты. Среди представителей юридической науки следует отметить Николая Григорьевича Александрова, Олега Феодосеевича Горнова, Давида Владимировича Швейцера, Якова Львовича Киселева, исторической науки – Ростислава Петровича Дадыкина, Василия Петровича Норицына, Владислава Иосифовича Селицкого, Александра Павловича Финарова, Григория Андреевича Чигринова.

В рассматриваемый период предметом анализа выступали мероприятия Коммунистической партии и советского государства по воспитанию дисциплинарных норм и поощрению трудовой инициативы индустриальных работников. При изучении сферы фабрично-заводской дисциплины справедливо указывался факт сочетания большевиками убеждения и принуждения как противоположных методов управления рабочим классом. В то же время общественный труд в условиях социализма рождал в основной массе производителей чувство морального долга и, как следствие, сознательную служебную ответственность. Административное единоначалие в СССР превращалось из деспотизма эксплуататоров в единство воли всего работающего коллектива (*«новые формы труддисциплины»*). В связи с этим абсолютное большинство добросовестных тружеников получали публичное признание, в том числе в виде вручения государственных наград. К недисциплинированному меньшинству, представленному прогульщиками и летунами, по постановлению от 28 декабря 1938 г.²¹ применялись увольнение, выселение из заводских квартир, невыдача страхового пособия, по указу от 26 июня 1940 г.²² – судебное преследование. Признавая дуалистический характер социалистической дисциплины, советская историография на этапе своего становления стремилась всячески затушевать поворот к принуждению за счет игнорирования сущности и масштабов данного процесса. С этой целью в ней подчеркивался приоритет морального убеждения в качестве главного фактора трудового воспитания масс. Например, в первых научно-исторических публикациях, посвященных упомянутой теме, акцент делался на изучение вклада ударников и стахановцев в формирование и укрепление товарищеской дисциплины на производстве.

¹⁸ Дадыкин Р.П. Из истории движения ударных бригад в советской промышленности (1928–1929 гг.) // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 18–42.

¹⁹ Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы. М., 1940; Кузьминов И.И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М., 1940; Селицкий В.И. Начало стахановского движения в Ленинграде (сентябрь – ноябрь 1935 г.) // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 28–56; Чигринов Г.А. Социалистическое соревнование и стахановское движение в промышленности Москвы и Московской области в 1939–1941 гг. // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 3–29.

²⁰ Саутин Н. Подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 5. С. 9–17; Норицын В.П. Борьба Коммунистической партии за повышение благосостояния рабочего класса в годы второй пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955.

²¹ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле».

²² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

При изучении сферы повышения производительности труда обращалось внимание на то, что производственная инициатива в СССР поощрялась путем сочетания соцсоревнования и улучшения материального положения работников. В силу приобретения трудовой деятельностью не только личного, но и общественного значения ключевое место в социалистической экономике заняли моральные или коллективистские стимулы к продуктивной занятости («*новые стимулы труда*»). Ударничество и стахановское движение сопровождались ростом заработной платы и потребления рабочих семей, развитием социального страхования, жилищно-коммунального и медицинского обслуживания, общественного питания. Неуклонный подъем народного благосостояния от пятилетки к пятилетке повышал роль движений ударников и стахановцев в производстве, а ударная и стахановская работа вела к дальнейшему расцвету зажиточной и культурной жизни трудящихся. Следует отметить, что точка зрения формирующейся советской историографии о дуалистическом (общественно-личном) подходе к стимулированию производительного социалистического труда являлась объективной и убедительной. Но в ее рамках абсолютно не учитывались факты периодического снижения уровня жизни рабочего класса на протяжении 1930-х гг., негативно влиявшие на формирование нового отношения к производственной деятельности.

При изучении вопроса об эффективности/неэффективности стимулов и санкций выявлялись положительные и отрицательные факторы, воздействовавшие на функциональность способов создания трудовой мотивации на советских предприятиях. Среди причин ухудшения функционирования стимулирующих практик в социалистической индустрии выделялись вредительская деятельность «замаскировавшихся врагов народа», сопротивление консерваторов, бюрократов и «рутинеров» в среде хозяйственных руководителей, специалистов и профсоюзных работников, волюнтаристская подмена соревнования администрированием и принуждением, сохранение мелкособственнических привычек в рабочей среде. Под вредительством понималась уравнительная оплата труда, вызывавшая текучесть кадров, враждебное отношение к стахановскому движению, под консервативным сопротивлением – противодействие ударничеству и новаторству стахановцев на производстве, под мелкособственническими привычками – уравнительные настроения, рвачество, дисциплинарные проступки. В этих условиях улучшению функциональности мер по мотивированию заводского персонала способствовали кампании по разоблачению и разгрому «вредителей», выдвижению новых руководящих кадров, усилению дифференциации тарифной сетки и введению поощрительных систем оплаты труда, расширению сферы культурно-бытового обслуживания, внедрению передовой техники и повышению квалификации кадров, рост материального благополучия и политической сознательности рабочих. В целом до середины 1950-х гг. находившаяся в стадии формирования советская историография объясняла снижение эффективности трудовых стимулов и санкций действиями враждебных политических и социальных сил, повышение – победой вождя и партии над классовыми врагами и их пособниками. В результате объективные проблемы стимулирования рабочего класса подменялись субъективным волюнтаризмом сознательных или несознательных противников социализма. Таким образом, этап становления историографических представлений о методах создания мотивации индустриальных работников к труду в период довоенных пятилеток нес отпечаток сталинской идеологии и пропаганды, задававших универсальную интерпретацию недавнего прошлого.

Воспроизводство и развитие советской историографии периода довоенных пятилеток (середина 1950-х – середина 1980-х гг.)

Предпосылки воспроизводства и развития историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях периода довоенных пятилеток (1956–1967 гг.). Воспроизводство и эволюция историографии истории индустриального труда первых трех пятилеток происходили в условиях сначала развертывания, а затем сворачивания хрущевской десталинизации в СССР середины 1950-х – конца 1960-х гг. Эти политико-идеологические факторы обусловили динамику историографической ситуации в рассматриваемый период. Начальной точкой ее трансформации стал доклад первого секретаря ЦК КПСС

Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», прозвучавший 25 февраля 1956 г. на XX съезде партии. Ключевым моментом хрущевского выступления являлся тезис о неправомерном введении И.В. Сталиным понятия «враг народа», позволявшего репрессировать несогласных с ним большевиков²³. Дезавуирование данного морально-политического клише влекло за собой неизбежный пересмотр тех идеологических оценок, которые с точки зрения нового партийного руководства подпадали под определение сталинского культа личности. Такая тенденция создавала благоприятные условия для борьбы с догматизмом, возрождения творческих дискуссий в научно-гуманитарном сообществе, расширения доступа исследователей к архивам²⁴. Так, попытка десталинизации исторической науки была предпринята главным редактором журнала «Вопросы истории» в лице А.М. Панкратовой и ее заместителя Э.Н. Бурджалова, взявших за активное исполнение директивных указаний XX съезда.

Однако высшее партийное руководство страны посчитало данные инициативы опасными с точки зрения сохранения идеологического «статус-кво». 11 марта 1957 г. вышло постановление Секретариата ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории”». Эта директива обязала редакцию журнала соблюдать принцип партийности в исторической науке, бороться с ревизионистским переосмыслением марксизма-ленинизма²⁵. В свою очередь А.М. Панкратова и Э.Н. Бурджалов были подвергнуты критике за «серьезные ошибки» в редакторской работе и отстранены от своих должностей. Драматическая судьба научных реформаторов свидетельствовала о незыблемости вертикально-иерархической системы «идеология – наука», сложившейся еще в сталинский период. Несмотря на атмосферу «оттепели», ученые-гуманитарии оставались подчиненными оптимистическому историцизму партийно-государственной элиты в виде утопических формул «о всемирно-исторической победе социализма»²⁶. Невозможность методологического развития отечественного гуманитарного знания ограничивала профессиональную деятельность исследователей введением в оборот новых массивов идеологически выверенных источников. В то же время на фоне расширения допуска к архивам КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов, отраслевых ведомств многие документы по-прежнему оставались закрытыми, так как содержали государственную тайну или критическую информацию о внутренних реалиях СССР.

Фундаментальные противоречия в развитии исторической науки оказали решающее влияние на дальнейшее воспроизводство и развитие историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях на советских предприятиях периода довоенных пятилеток. Во второй половине 1950-х гг. произошла активизация давнего горьковского начинания, связанного с продолжением подготовки большой серии очерков об истории заводов и фабрик СССР. В 1959 г. для оказания методической помощи участникам данного проекта был издан сборник документов и материалов «А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов». В предисловии к изданию подчеркивалась необходимость основательного освещения исторического прошлого производственных объектов, построенных в 1930-е гг., с учетом задач коммунистического строительства. Это освещение предполагалось нацелить на раскрытие роли партии в формировании и воспитании рабочего класса, опыта развития ударничества, соцсоревнования, движения бригад коммунистического труда²⁷. Предложенные тематические приоритеты совпадали с более ранними исследовательскими ориентирами (включая новые формы труддисциплины и стимулирования рабочих), сформулированными еще до войны на пике форсированного хозяйственного строительства. С той лишь разницей, что теперь можно было не следовать духу «Краткого курса истории ВКП(б)» с его подменой объективных проблем субъективизмом врагов советского государства. Приход к власти Л.И. Брежнева и постепенное сворачивание критики культа личности во второй половине

²³ Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и Постановление съезда о «Культе личности и его последствиях», 25 февраля 1956 г.

²⁴ Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории... С. 73.

²⁵ Постановление Секретариата ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории”» от 11 марта 1957 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. 1952–1958 гг. М., 2010. С. 692.

²⁶ Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории... С. 76, 77.

²⁷ М.А. Горький и создание истории фабрик и заводов... С. 15.

1960-х гг. способствовали еще большему нарастанию догматического консерватизма в научно-гуманитарной сфере. Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. директивно закрепляло тезис о возрастании значения марксистско-ленинской теории по мере повышения роли общественных наук в строительстве коммунизма. При этом в качестве одного из актуальных направлений научно-исторических исследований декларировался показ героизма советского народа в борьбе за социалистическую индустриализацию страны²⁸. Несмотря на призывы верховной власти «поощрять смелый научный поиск», ученые-марксисты продолжали использовать привычные идеологические догмы для воспроизводства гуманитарных академических знаний в рамках официальной историографии истории строительства социализма.

Историографические представления о трудовых стимулах и санкциях периода довоенных пятилеток: этап воспроизводства и развития. В середине 1950-х – середине 1980-х гг. вопросы о способах дисциплинирования и стимулирования персонала советских предприятий в период довоенных пятилеток рассматривались в монографиях и статьях о формировании нового советского человека²⁹, истории социалистической экономики³⁰, индустриализации³¹, промышленности³², фабрик и заводов³³, рабочего класса³⁴, производственной дисциплины³⁵, соцсоревнования³⁶, быта трудящихся³⁷. В годы «оттепели» и «застоя» авторами этих публикаций являлись профессиональные исследователи, работавшие в Институте истории АН СССР, Московском государственном университете, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте экономики АН СССР, участники продолжавшегося проекта «История заводов и фабрик» (историки, журналисты, рабочие, инженеры). Ключевую роль в воспроизводстве и развитии историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях в отечественной индустрии 1928–1941 гг. играла элита позднесоветской исторической науки, оказавшаяся под влиянием XX съезда. Ее представляли Иван Егорович Ворожейкин, Юрий Владимирович Воскресенский, Кирилл Владимирович Гусев, Владимир Зиновьевич Дробижев, Василий Игнатьевич Касьяненко, Валентин Иванович Кузьмин, Виталий Семенович Лельчук, Людмила Соломоновна Рогачевская,

²⁸ Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11: 1966–1970. М., 1986. С. 237, 245.

²⁹ Косолапов С.М. Соотношение убеждения и принуждения в формировании нового человека. М., 1964.

³⁰ Советская социалистическая экономика. 1917–1957 гг. М., 1957; История социалистической экономики. М., 1977. Т. 3: 1926–1932 гг.; М., 1978. Т. 4: 1933–1937 гг.; Т. 5: 1938–1945 гг.

³¹ Касьяненко В.И. Борьба трудящихся СССР за техническую независимость промышленности (1926–1932 гг.). М., 1960; Хавин А.Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962; Кузьмин В.И. Исторический опыт советской индустриализации. М., 1969; Хромов С.С. Социалистическая индустриализация – великий подвиг советского народа (К 50-летию XIV съезда партии). М., 1975; Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.

³² Локишин Э.Ю. Очерк истории промышленности СССР. (1917–1940 гг.). М., 1956.

³³ Платонов Г.И., Юдин К.Ю. Завод высококой техники (К 25-летию 1-го Гос. подшипникового завода). М., 1957; Славные традиции. К 100-летию завода «Красный пролетарий» им. А.И. Ефремова. 1857–1957 гг. М., 1957.

³⁴ Дробижев В.З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М., 1961; Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961). М., 1964; Рабочий класс в управлении государства (1926–1937 гг.). М., 1968; Воскресенский Ю.В. Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. М., 1973; История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 2 (1921–1937 гг.); Т. 3 (1938–1945 гг.).

³⁵ Гуляев Г.И. Правовое регулирование социалистической дисциплины труда рабочих и служащих. Кишинев, 1962; Генкин Л.Б. Становление новой дисциплины труда. М., 1967; Бородина Н.Н. Социалистическая дисциплина труда. М., 1969; Гавриленко Д.А. Дисциплина труда и средства ее обеспечения. Минск, 1985.

³⁶ Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966; Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. 1917–1970 гг. М., 1977; Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР 1917–1977. М., 1979.

³⁷ Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М., 1960; Шкаратан О.И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (по материалам Ленинграда) // История СССР. 1964. № 3. С. 17–44; Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977.

Абрам Фишелевич Хавин, Семен Спиридонович Хромов, Овсей Ирмович Шкаратан и другие столичные историки. Среди экономистов научный вклад в освещение изучаемой проблематики внесли Лев Маркович Гатовский, Иван Андреевич Гладков, Эфраим Юдович Локшин, юристов – Анатолий Сергеевич Бакакин, Наталья Николаевна Бородина, Демьян Александрович Гавриленко, Геннадий Иванович Гуляев.

В рассматриваемый период в центре научного анализа находилась деятельность партийно-государственных органов, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций по воспитанию служебной ответственности и побуждению творческой активности работников на производстве. При изучении сферы фабрично-заводской дисциплины по-прежнему традиционно отмечался факт сочетания советским государством убеждения и принуждения как двух противоположных подходов к управлению рабочим классом. В теоретических трудах утверждалось, что по мере перехода от капитализма к социализму необходимость в принуждении снижалась, так как в новом обществе неуклонно возрастала сила идейных убеждений. По мнению правоведов, данная тенденция обуславливалась тем, что социалистический производственный распорядок был построен на принципах сознательности и добровольности «объединения» самих трудящихся. С учетом этого методологического подхода в научно-практических исследованиях отдавался приоритет установлению роли морально-побудительных практик, в том числе соревнования, самозакрепления персонала на предприятиях, разъяснительной работы, вручения наград, в дисциплинировании масс новых рабочих. Констатировалось также применение дисциплинарных санкций, включая товарищеские суды, материальную и уголовную ответственность за брак, увольнение за прогулы или невыполнение норм выработки, судебное преследование прогульщиков и летунов. Благодаря введению в научный оборот новых эмпирических данных позднесоветской историографии удалось в общих чертах показать эволюцию форм трудовой дисциплины в отечественной индустрии в 1930-е гг. (от общественных и административных к судебным). Однако господствовавшие идеологические догмы не позволяли подойти к объективной оценке данного процесса в категориях «поворота к принуждению», пониманию его фундаментальных причин, сущности, масштабов и последствий. Вместо аналитического осмысления реального исторического феномена декларировался прежний тезис о решающем значении убеждения в построении социалистического общества.

При изучении сферы повышения производительности труда проводилось четкое оценочное различие между методами его стимулирования в условиях капитализма и социализма. В публикациях по истории советской экономики подчеркивалось, что в дореволюционной России трудовые стимулы характеризовались сочетанием низкой заработной платы и прикрепления рабочих к фабричным лавкам с дорогостоящими товарами. В СССР эти стимулы были представлены новыми способами поощрения производственной инициативы – соцсоревнованием, систематическим ростом реальных доходов трудящихся и общественных фондов потребления. В научно-исторических исследованиях отмечался переворот в сознании людей, вызвавший в 1930-е гг. переход от преобладания материальных к примату моральных форм мотивирования высокопродуктивной занятости. Среди инструментов идейного побуждения производственников выделялись движения ударников и стахановцев, которым вручались награды (ордена, медали, почетные грамоты, переходящие красные знамена) как символы публичного признания. Общественные факторы стимулирования трудовой активности оценивались в качестве основных средств добровольной мобилизации и социалистического воспитания масс. Влияние этих мобилизационных механизмов на сознание работников усиливалось за счет неуклонного повышения зарплаты, организации нормированного снабжения, жилищного строительства, культурно-бытового обслуживания, социального страхования. Вместе с тем благодаря научной критике открытых данных официальной статистики 1930-х гг. (при всей их скудности!) исследователям удалось установить, что личные факторы мотивации труда в период довоенных пятилеток не всегда успешно дополняли новые коллективистские стимулы. Но канонические рамки позднесоветской историографии ограничивали возможности аналитического понимания причин, условий и последствий

снижения благосостояния рабочего класса в 1928–1941 гг.³⁸ Масштабные кризисные тенденции упоминались лишь в хронологически узком контексте «трудных лет» первой пятилетки (1931–1932 гг.). В свою очередь, феномен стимулирования производительного труда в годы второй и третьей пятилеток по-прежнему оценивался в привычных категориях организационной реализации дуалистического (общественно-личного) подхода к созданию его мотивационного фундамента.

При изучении вопроса об эффективности/неэффективности стимулов и санкций продолжался анализ позитивных и негативных факторов, обуславливавших функциональность способов формирования трудовой мотивации на советских предприятиях. Экономисты относили к числу причин ухудшения функционирования стимулирующих практик в социалистической индустрии исходно низкие заработки дореволюционных рабочих, уравниловку в оплате труда, приводившую к текучести фабрично-заводских кадров, высокую долю временной оплаты и бригадной «сдельщины», слабое применение прогрессивной «сдельщины», перерасход фондов заработной платы. Историки выделяли более широкий спектр условий, влиявших на понижение результативности стимулирования индустриальной занятости. Действенность моральных поощрений ограничивалась недостатками в организации производства, торможением новаторских починов со стороны консервативных хозяйственников и специалистов, завышением удельного веса участников соцсоревнования, лжеударничеством, недисциплинированностью и погоней работников из деревни за приработком, их боязнью потерять часть зарплаты из-за повышения норм выработки. Эффект от материальных вознаграждений отчасти нивелировался дефицитом потребительских товаров и жилья, рыночной инфляцией, снижением реальной заработной платы, уравнилительным распределением трудовых доходов в производственных коммунах и артелях, недостаточным внедрением хозрасчета, введением карточной системы, недовольством несознательных тружеников временными материально-бытовыми тяготами, влиянием мелкобуржуазного анархизма крестьян-отходников на настроения внутри заводских коллективов. Эти отрицательные явления провоцировали массовые нарушения правил внутреннего распорядка и огромную текучесть кадров на заводах и фабриках в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В середине – второй половине 1930-х гг. функциональность механизмов мотивирования производственников улучшилась в связи с внедрением прямой и прогрессивной «сдельщины», ростом дифференциации тарифных сеток, размера реальной заработной платы в условиях снижения цен, реорганизацией коммун в хозрасчетные бригады, созданием отделов рабочего снабжения и подсобных хозяйств, приоритетным жизнеобеспечением передовиков, увеличением поступлений из общественных фондов потребления, отчислением части прибыли предприятий на культурно-бытовые нужды работников, повышением качества жилищного строительства, самозакреплением персонала по месту работы. В целом позднесоветская историография объясняла снижение эффективности трудовых стимулов и санкций закономерными трудностями начального периода социалистического строительства, повышение – их успешным преодолением в завершающей фазе становления основ нового общества. Среди ведущих историков и экономистов СССР окончательно утвердилось мнение о коренном разрешении объективных проблем стимулирования рабочего класса в последние годы второй пятилетки (1935–1937 гг.), прошедших под знаком рождения и взлета стахановского движения. Таким образом, этап воспроизводства и развития советских историографических представлений о методах создания мотивации труда у индустриальных работников в период

³⁸ В данном контексте показательна статья О.И. Шкаратана о материальном благосостоянии ленинградских рабочих в 1930-е гг., опубликованная в журнале «История СССР» в 1964 г. В ней автор высказывал недоумение по поводу неуклонного роста в бюджетах рабочих семей доли расходов на питание на фоне повышения уровня жизни горожан в годы второй пятилетки. Овсей Ирмович объяснил «непостижимую» тенденцию приоритетной заботой Коммунистической партии об улучшении продовольственного снабжения рабочего класса после отмены карточек в 1935 г. В действительности же удельное повышение расходов на питание являлось главным признаком ухудшения материального положения населения, который был известен отечественным экономистам и историкам середины 1960-х гг. Однако публичная демонстрация этого научного знания была чревата повторением печального прецедента, произошедшего с А.М. Панкратовой и Э.Н. Бурджаловым в марте 1957 г.

довоенных пятилеток нес отпечаток сначала крайне непоследовательной хрущевской десталинизации, а затем инертной брежневской стабилизации. Эти политические трансформации оказывали влияние на изменение универсальной интерпретации все более удаляющегося во времени «поэтического» прошлого социалистической индустриализации.

Заключительные положения. При подведении итогов проведенного исследования необходимо вернуться к изначальной гипотезе о синхроническом и диахроническом уровнях советского историографического «кейса», касающегося ключевых аспектов мотивации индустриального труда в СССР 1928–1941 гг. Его статичным и динамичным компонентом предположительно являлись взгляды столичных ученых-гуманитариев соответственно на сущность и факторы эффективности/неэффективности трудовых стимулов и санкций в годы первых трех пятилеток. Насколько эти гипотетические предположения оказались близкими к истине?

Отвечая на поставленный вопрос, следует отметить, что в 1930-е – середине 1980-х гг. вопросы дисциплинирования и стимулирования персонала довоенной индустрии традиционно рассматривались как отдельные сюжеты более крупных тематических направлений социально-экономической истории СССР. Вместе с тем явная фрагментарность изучения этих вопросов в доперестроечные десятилетия не препятствовала выявлению статичности и динамики данного интеллектуального процесса в рассматриваемый период. Синхронический анализ советского историографического языка, представлявшего смесь элементов официальной идеологии и гуманитарной науки, показал абсолютное сохранение статичной преемственности в сфере представлений экономистов, юристов и историков о типологической природе способов создания трудовой мотивации на отечественных предприятиях в конце 1920-х – начале 1940-х гг. Можно без преувеличения сказать, что в основе упомянутых представлений фактически лежало классическое научное знание о трех универсальных мотивационных компонентах – моральном побуждении, материальном вознаграждении и принуждении. Однако их объективное познание изначально пропускалось через идеологические и пропагандистские «фильтры», подменявшие собой теоретико-методологическое моделирование изучаемых феноменов. Возникавшее на выходе историческое воображение рисовало картину той самой «новой поэтической действительности», в которой рабочий класс впервые освобождался от вековых оков капитала за счет прогрессивного сочетания общественных (моральных) и личных (материальных) стимулов труда. Растущее на этом перспективном фундаменте социалистическое отношение к производственной деятельности предельно сужало сферу применения административно-дисциплинарных методов перевоспитания нарушителей трудового распорядка, становившихся исторически исчезающим явлением. Инерционное воспроизводство «схоластического догмата» о необратимом возрастании роли позитивных форм стимулирования индустриальных работников в ходе строительства социализма (при скором исчезновении негативных) в конечном итоге блокировало даже самые малейшие и робкие сомнения в его реалистичности, появившиеся в эпоху хрущевской десталинизации.

В то же время диахронический анализ советского историографического языка позволил обнаружить заметные изменения в области представлений экономистов и историков о факторах эффективности/неэффективности мероприятий по мотивированию рабочего класса на решение задач форсированной индустриализации. До середины 1950-х гг. взгляды научного сообщества на эти актуальнейшие проблемы социалистических преобразований определялись жесткими идеологическими тисками культа личности И.В. Сталина, намеренно преувеличивавшего социально-гуманитарные успехи государственной мобилизационной политики. XX съезд КПСС создал необходимые внешние условия для преодоления сталинского интеллектуального «анабиоза», имевшего самые негативные практические последствия. Начиная со второй половины 1950-х гг. симфоническое воспевание счастливой жизни творцов «новой поэтической действительности» под эффективным руководством вождя и партии сменилось первыми попытками более правдоподобного описания широкого диапазона экономических, социальных и социокультурных затруднений в процессе стимулирования индустриального труда периода довоенных пятилеток. На фоне возрождения

квалифицированного экспертного мнения практически полностью прекратился ангажированный поиск субъективно-политических предпосылок данных трудностей, вызванных действиями внутрипартийных «оппортунистов». Благодаря этому отечественная историография второй половины 1950-х – середины 1980-х гг. сделала значительный шаг к объективному пониманию совокупности кризисных факторов, ослаблявших побудительные установки строителей светлого будущего к активной занятости. Тем не менее актуальный научный поиск остался незавершенным, поскольку позднесоветские исследователи не могли полностью выйти за границы исторического воображения, освященные довлеющим над ними идейным авторитетом партийно-государственной элиты. В результате непререкаемое господство оптимистического историцизма в сфере гуманитарного знания вынуждало представителей научного сообщества воспроизводить устоявшуюся точку зрения об успешном преодолении Коммунистической партией основных препятствий на пути к воспитанию у масс социалистического отношения к индустриальному труду. Данная ситуация исключала возможности изучения такого феномена, как кризисы трудовой мотивации начала и конца 1930-х гг., обусловленные пертурбационными условиями построения реального социализма.

Таким образом, проведенное исследование сферы советских историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях на отечественных предприятиях в 1928–1941 гг. в целом подтверждает ранее выдвинутые предположения о соотношении синхронического и диахронического уровней ее функционирования. С одной стороны, на протяжении более чем полувека в официальной историографии сформировались и затвердели незыблемые установки о дуалистической сущности дисциплинирования (убеждение и принуждение) и стимулирования (общественные и личные стимулы) рабочего класса в эпоху социалистической индустриализации. С другой стороны, за три послесталинских десятилетия в исторической и экономической науке произошел эволюционный переход от политизированных мифов о борьбе вождя и партии с противниками нового общественного строя к более научно обоснованным объяснениям причин снижения эффективности стимулирования рабочего класса в годы довоенных пятилеток. Пределы этой эволюции обуславливались консервативно-охранительными идеологемами, которые закрепляли устоявшиеся границы универсальной интерпретации исторического прошлого вплоть до конца 1980-х гг.

Литература

- Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М.: Юрид. изд-во, 1948. 336 с.
- Бакакин А.С. О трудовой дисциплине в социалистическом обществе. М.: Кн. изд-во, 1955. 32 с.
- Бородин Н.Н. Социалистическая дисциплина труда. М., 1969. 45 с.
- Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / под ред. А.М. Горького. 3-е изд. Свердловск: Кн. изд-во, 1960. 455 с.
- Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР 1917–1977. М.: Политиздат, 1979. 326 с.
- Воскресенский Ю.В. Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. М.: Мысль, 1973. 276 с.
- Гавриленко Д.А. Дисциплина труда и средства ее обеспечения. Минск: Наука и техника, 1985. 120 с.
- Генкин Л.Б. Становление новой дисциплины труда. М.: Профиздат, 1967. 198 с.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М.: Знание, 1977. 158 с.
- Горнов О.Ф. Воспитание социалистической дисциплины труда: Из опыта парт. работы на Моск.-Курской дороге. М.: Трансжелдориздат, 1952. 40 с.
- Гуляев Г.И. Правовое регулирование социалистической дисциплины труда рабочих и служащих. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1962. 81 с.
- Дадыкин Р.П. Из истории движения ударных бригад в советской промышленности (1928–1929 гг.) // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 18–42.

Дробижев В.З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1961. 63 с.

Евстафьев Г.Н. Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М.: Госполитиздат, 1952. 344 с.

Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы. М.: Соцэкгиз, 1940. 372 с.

Завод и его люди. Из истории Станкостроительного завода (к 75-летию его основания. 1872–1947 гг.) / под ред. К.В. Чуйко. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 68 с.

История советского рабочего класса / гл. редкол. С.С. Хромов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1984. Т. 2 (1921–1937 гг.). 511 с.; Т. 3 (1938–1945 гг.). 591 с.

История социалистической экономики / отв. ред. И.А. Гладков. М.: Наука, 1977–1978. Т. 3: 1926–1932 гг. 532 с.; Т. 4: 1933–1937 гг. 519 с.; Т. 5: 1938–1945 гг. 562 с.

Казазаева М.А. Проблема синхронного и диахронического подходов в языкознании // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 198–204.

Касьяненко В.И. Борьба трудящихся СССР за техническую независимость промышленности (1926–1932 гг.). М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 67 с.

Киселев Я.Л. О социалистической дисциплине труда. М., 1955.

Косолапов С.М. Соотношение убеждения и принуждения в формировании нового человека. М., 1964. 18 с.

Кузьмин В.И. Исторический опыт советской индустриализации. М.: Мысль, 1969. 180 с.

Кузьминов И.И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М.: Соцэкгиз, 1940. 220 с.

Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л.: Лениздат, 1966. 276 с.

Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.

Леонтьев Л. А. Социалистическая дисциплина труда. М.: Гос. изд. полит. лит., 1939. 31 с.

Локишин Э.Ю. Промышленность СССР. М.: Госпланиздат, 1947. 96 с.

Локишин Э.Ю. Очерк истории промышленности СССР (1917–1940 гг.). М.: Гос. изд. полит. лит., 1956. 319 с.

Люди Сталинградского тракторного / отв. ред. Л. Мехлис. М.: История заводов, 1933. 491 с.

М.А. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. док-тов и мат-лов в помощь работающим над историей фабрик и заводов / ред. И. Бачило. М.: Соцэкгиз, 1959. 365 с.

Маркус Б.Л. Труд в социалистическом обществе. М.: Госполитиздат, 1939. 307 с.

Норицин В.П. Борьба Коммунистической партии за повышение благосостояния рабочего класса в годы второй пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955. 16 с.

Паршестник А.Е. Дисциплина труда в СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 80 с.

Платонов Г.И., Юдин К.Ю. Завод высокой техники (К 25-летию 1-го Гос. подшипникового завода). М.: Профиздат, 1957. 80 с.

Рабочий класс в управлении государства (1926–1937 гг.) / редкол. К.В. Гусев, В.З. Дробижев. М.: Мысль, 1968. 239 с.

Развитие советской экономики / под ред. А.А. Арутиняна, Б.Л. Маркуса. М.: Соцэкгиз, 1940. 664 с.

Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. 1917–1970 гг. М.: Наука, 1977. 352 с.

Саутин Н. Подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 5. С. 9–17.

Селицкий В. Начало стахановского движения в Ленинграде (сентябрь – ноябрь 1935 г.) // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 28–56.

Славные традиции. К 100-летию завода «Красный пролетарий» им. А.И. Ефремова. 1857–1957 гг. / ред.-сост. Н. Мармерштейн М.: Моск. рабочий, 1957. 424 с.

Советская социалистическая экономика. 1917–1957 гг. / редкол. Л.М. Гатовский и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 663 с.

Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М.: Соцэкгиз, 1960. 199 с.

Финаров А.П. Социалистическое соревнование на предприятиях в начале первой пятилетки // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 35–51.

Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961) / отв. ред. Р.П. Дадыкин. М.: Наука, 1964. 402 с.

Хавин А.Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М.: Госполитиздат, 1962. 440 с.

Харьковский тракторный завод имени Орджоникидзе. 1931–1951 гг. / под ред. Ю. Шовкопляса. Харьков: Харьк. кн.-газ. изд-во, 1951. 176 с.

Хромов С.С. Социалистическая индустриализация – великий подвиг советского народа (К 50-летию XIV съезда партии). М.: Знание, 1975. 64 с.

Чигринов Г.А. Социалистическое соревнование и стахановское движение в промышленности Москвы и Московской области в 1939–1941 гг. // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 3–29.

Швейцер Д.В. Разрешение трудовых споров в СССР: Стенограмма публичной лекции, прочит. в Центр. лектории о-ва в Москве. М., 1949.

Шкаратан О.И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (по материалам Ленинграда) // История СССР. 1964. № 3. С. 17–44.

Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.). Орск: ОГТИ, 2010. 203 с.

References

Aleksandrov, N.G. (1948). *Trudovoe pravootnoshenie* [Labor Law Relationship]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo. 336 с.

Arutinyan, A.A., Markus, B.L. (1940). *Razvitie sovetskoy ehkonomiki* [Development of the Soviet Economy]. Moscow, Sotsekgiz. 664 p.

Bachilo, I. (Ed.). (1959). *M.A. Gor'kiy i sozдание istorii fabrik i zavodov: sbornik dokumentov i materialov v pomoshch' rabotayushchim nad istoriey fabrik i zavodov* [M.A. Gorky and the Creation of the History of Factories and Plants: Collection of Documents and Materials to Help Those Working on the History of Factories and Plants]. Moscow, Sotsekgiz. 365 p.

Bakakin, A.S. (1955). *O trudovoy distsipline v sotsialisticheskom obshchestve* [On Labor Discipline in a Socialist Society]. Moscow, Knizhnoe izdatel'stvo. 32 p.

Belokopytov, M.D. (1953). Pod'em material'nogo i kul'turnogo urovnya zhizni trudyashchikhsya SSSR v gody poslevoennoy pyatiletki [The Rise of the Material and Cultural Standard of Living for the Working People of the USSR during the Post-War Five-Year Plan]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 6–28.

Borodina, N.N. (1969). *Sotsialisticheskaya distsiplina truda* [Socialist Labor Discipline]. Moscow. 45 p.

Chigrinov, G.A. (1952). Sotsialisticheskoe sorevnovanie i stakhanovskoe dvizhenie v promyshlennosti Moskvyy i Moskovskoy oblasti v 1939–1941 gg. [Socialist Competition and the Stakhanov Movement in the Industry of Moscow and the Moscow Region in 1939–1941]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 3–29.

Chuyko, K.V. (1947). *Zavod i ego lyudi. Iz istorii Stankostroitel'nogo zavoda (k 75-letiyu ego osnovaniya. 1872–1947 gg.)* [The Factory and Its People. From the History of the Machine-Building Factory (On the 75th Anniversary of its Foundation. 1872–1947)]. Irkutsk, Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 68 p.

Dadykin, R.P. (1951). Iz istorii dvizheniya udarnykh brigad v sovetskoy promyshlennosti (1928–1929 gg.) [From the History of the Shock Brigades Movement in Soviet Industry (1928–1929)]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 18–42.

Dadykin, R.P. (1964). *Formirovanie i razvitie sovetskogo rabocheho klassa (1917–1961)* [Formation and Development of the Soviet Working Class (1917–1961)]. Moscow, Nauka. 402 p.

Drobizhev, V.Z. (1961). *Sovetskiy rabochiy klass v period sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva* [The Soviet Working Class during the Period of Socialist Reconstruction of the National Economy]. Moscow, Izdatel'stvo VPSH i AON. 63 p.

Ermanskiy, O.A. (1940). *Stakhanovskoe dvizhenie i stakhanovskie metody* [The Stakhanov Movement and Stakhanov Methods]. Moscow, Sotsekgiz. 372 p.

Evstaf'ev, G.N. (1952). *Sotsialisticheskoe sorevnovanie – zakonornost' i dvizhushchaya sila ehkonomicheskogo razvitiya sovetskogo obshchestva* [Socialist Competition is a Regularity and a Driving Force of the Economic Development of Soviet Society]. Moscow, Gospolitizdat. 344 p.

Figurnov, S.P. (1960). *Real'naya zarabotnaya plata i pod'em material'nogo blagosostoyaniya trudyashchikhsya v SSSR* [Real Wages and the Improvement of Workers' Material Well-Being in the USSR]. Moscow, Sotsekgiz. 199 p.

Finarov, A.P. (1953). *Sotsialisticheskoe sorevnovanie na predpriyatiyakh v nachale pervoy pyatiletki* [Socialist Competition at Enterprises at the beginning of the First Five-Year Plan]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 35–51.

Gatovskiy, L.M. (1957). *Sovetskaya sotsialisticheskaya ekonomika. 1917–1957 gg.* [The Soviet Socialist Economy. 1917–1957]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 663 p.

Gavrilenko, D.A. (1985). *Distsiplina truda i sredstva ee obespecheniya* [Labor Discipline and the Means to Ensure It]. Minsk, Nauka i tekhnika. 120 p.

Genkin, L.B. (1967). *Stanovlenie novoy distsipliny truda* [The Formation of a New Labor Discipline]. Moscow, Profizdat. 198 p.

Gladkov, I.A. (1977–1978). *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki* [The History of the Socialist Economy]. Moscow, Nauka. Vol. 3: 1926–1932 gg. 532 p.; Vol. 4: 1933–1937 gg. 519 p.; Vol. 5: 1938–1945 gg. 562 p.

Gor'kiy, A.M. (Ed.). (1960). *Byli gory Vysokoy. Rasskazy rabochih Vysokogorskogo zheleznogo rudnika o staroy i novoy zhizni* [The Mountains Were High. The Stories of the Workers of the Vysokogorsky Iron Mine about the Old and New Life]. Sverdlovsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 455 p.

Gordon, L.A., Klopov, E.V., Onikov, L.A. (1977). *Cherty sotsialisticheskogo obraza zhizni: byt gorodskikh rabochikh vchera, segodnya, zavtra* [Features of the Socialist Way of Life: The Life of Urban Workers Yesterday, Today, and Tomorrow]. Moscow, Znanie. 158 p.

Gornov, O.F. (1952). *Vospitanie sotsialisticheskoy distsipliny truda: Iz opyta partiynoy raboty na Moskovsko-Kurskoy doroge* [Fostering Socialist Labor Discipline: From the Experience of Part-Time Work in Moscow – Kursk Road]. Moscow, Transzheldorizdat. 40 p.

Gulyaev, G.I. (1962). *Pravovoe regulirovanie sotsialisticheskoy distsipliny truda rabochikh i sluzhashchikh* [Legal Regulation of the Socialist Labor Discipline of Workers and Employees]. Kishenev, Kartya moldovenyashkeh. 81 p.

Gusev, K.V., Drobizhev, V.Z. (1968). *Rabochiy klass v upravlenii gosudarstva (1926–1937 gg.)* [The Working Class in State Administration (1926–1937)]. Moscow, Mysl'. 239 p.

Kas'yanenko, V.I. (1960). *Stakhanovskoe dvizhenie – vysshiy etap sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [The Struggle of Soviet Workers for Technical Independence of Industry (1926–1932)]. Moscow, Izdatel'stvo VPSH i AON. 67 p.

Kazazaeva, M.A. (2014). Problema sinkhronnogo i diakhronicheskogo podkhodov v yazykoznanii [The Problem of Synchronous and Diachronic Approaches in Linguistics]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 1 (26), pp. 198–204.

Khavin, A.F. (1962). *Kratkiy ocherk istorii industrializatsii SSSR* [A Brief Outline of the History of Industrialization in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat. 440 p.

Khromov, S.S. (1975). *Sotsialisticheskaya industrializatsiya – velikiy podvig sovetskogo naroda (K 50-letiyu XIV s'ezda partii)* [Socialist Industrialization: A Great Feat of the Soviet People (On the 50th Anniversary of the 14th Party Congress)]. Moscow, Znanie. 64 p.

Khromov, S.S. (1984). *Istoriya sovetskogo rabocheho klassa* [The History of the Soviet Working Class]. Moscow, Nauka. Vol. 2 (1921–1937). 511 p.; Vol. 3 (1938–1945). 591 p.

Kosolapov, S.M. (1964). *Sootnoshenie ubezhdeniya i prinuzhdeniya v formirovanii novogo cheloveka* [The Relationship between Persuasion and Coercion in the Formation of a New Person]. Moscow. 18 p.

Kuz'min, V.I. (1969). *Istoricheskiy opyt sovetskoy industrializatsii* [The Historical Experience of Soviet Industrialization]. Moscow, Mysl'. 180 p.

Kuz'minov, I.I. (1940). *Stakhanovskoe dvizhenie – vysshiy etap sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [The Stakhanov Movement is the Highest Stage of Socialist Competition]. Moscow, Sotsekgiz. 220 p.

Lebedeva, N.B., Shkaratan, O.I. (1966). *Ocherki istorii sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [Essays on the History of Socialist Competition]. Leningrad, Lenizdat. 276 p.

Lel'chuk, V.S. (1984). *Industrializatsiya SSSR: istoriya, opyt, problemy* [Industrialization in the USSR: History, Experience, and Challenges]. Moscow, Politizdat. 304 p.

Leont'ev, L.A. (1939). *Sotsialisticheskaya distsiplina truda* [Socialist Labor Discipline]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 31 p.

Lokshin, E.Yu. (1947). *Promyshlennost' SSSR* [Industry of the USSR]. Moscow, Gosplanizdat. 96 p.

Lokshin, E.Yu. (1956). *Ocherk istorii promyshlennosti SSSR (1917–1940 gg.)* [Essay on the History of the USSR Industry (1917–1940)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 319 p.

Markus, B.L. (1939). *Trud v sotsialisticheskoy obshchestve* [Labor in a Socialist Society]. Moscow, Gospolitizdat. 307 p.

Marmershtein, N. (1957). *Slavnye traditsii. K 100-letiyu zavoda “Krasnyy proletariy” im. A.I. Efremova. 1857–1957 gg.* [Glorious Traditions. On the 100th Anniversary of the Krasny Proletariy Plant Named after A.I. Efremov. 1857–1957]. Moscow, Moskovskiy rabochiy. 424 p.

Mekhlis, L. (1933). *Lyudi Stalingradskogo traktornogo* [People of the Stalingrad Tractor Plant]. Moscow, Istoriya zavodov. 491 p.

Noritsin, V.P. (1955). *Bor'ba Kommunisticheskoy partii za povyshenie blagosostoyaniya rabocheho klassa v gody vtoroy pyatiletki* [The Communist Party's Struggle to Improve the Welfare of the Working Class during the Second Five-Year Plan], Cand. hist. sci. diss. abstract. Leningrad. 16 p.

Parsheshtnik, A.E. (1950). *Distsiplina truda v SSSR* [Labor Discipline in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury. 80 p.

Platonov, G.I., Yudin, K.Yu. (1957). *Zavod vysokoy tekhniki (K 25-letiyu 1-go Gos. podshipnikovogo zavoda)* [High-Tech Factory (On the 25th Anniversary of the 1st State Bearing Factory)]. Moscow, Profizdat. 80 p.

Rogachevskaya, L.S. (1977). *Sotsialisticheskoe sorevnovanie v SSSR. Istoricheskie ocherki. 1917–1970 gg.* [Socialist Competition in the USSR. Historical Essays. 1917–1970]. Moscow, Nauka. 352 p.

Sautin, N. (1939). *Pod'em material'nogo i kul'turnogo urovnya trudyashchikhsya SSSR* [The Rise of the Material and Cultural Level of Workers of the USSR]. In *Planovoe khozyaystvo*. No. 5, pp. 9–17.

Selitskiy, V. (1951). *Nachalo stakhanovskogo dvizheniya v Leningrade (sentyabr' – noyabr' 1935 g.)* [The Beginning of the Stakhanov Movement in Leningrad (September – November 1935)]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 28–56.

Shebalin, I.A. (2010). *Sovetskaya istoriografiya otechestvennoy istorii (1917 – nachalo 1990-kh gg.)* [Soviet Historiography of Russian History (1917 – Early 1990s)]. Orsk, OGTI. 203 p.

Shkaratan, O.I. (1964). Material'noe blagosostoyanie rabocheho klassa SSSR v perekhodnyy period ot kapitalizma k sotsializmu (po materialam Leningrada) [The Material Welfare of the Soviet Working Class in the Transition from Capitalism to Socialism (Based on Materials from Leningrad)]. In *Istoriya SSSR*. No. 3, pp. 17–44.

Shovkoplyas, Yu. (1951). *Khar'kovskiy traktornyy zavod imeni Ordzhonikidze. 1931–1951 gg.* [Kharkiv Tractor Factory Named after Ordzhonikidze. 1931–1951]. Khar'kov, Khar'kovskoe knizhno-gazetnoe izdatel'stvo. 176 p.

Vorozheykin, I.E. (1979). *Letopis' trudovogo geroizma. Kratkaya istoriya sotsialisticheskogo sorevnovaniya v SSSR 1917–1977* [Chronicle of Labor Heroism. A Brief History of Socialist Competition in the USSR, 1917–1977]. Moscow, Politizdat. 326 p.

Voskresenskiy, Yu.V. (1973). *Vedushchaya rol' rabocheho klassa v rekonstruktsii promyshlennosti SSSR* [The Leading Role of the Working Class in the Reconstruction of the USSR's Industry]. Moscow, Mysl'. 276 p.